

Добрыня и Василий Казимиров

У ласкова князя у Владимира
Был хорош пир — пированьице
На многих князей, на бояр,
На русских могучиих богатырей.
Все на пиру наедались,
Все на пиру напивались,
Все на пиру порасхвастались:
Богатырь хвастат силушкой великою,
Иный хвастат добрым конем,
Иный хвастает бессчетной золотой казной,
А разумный хвастает родной матушкой,
А безумный хвастает молодой женой.
Сам Владимир-князь по горенке похаживат,
Пословечно государин выговариват:
«Красное солнышко на вечере,
Хорош честен пир идет навеселе,
И все добры молодцы порасхвастались;
А мне, князю Владимиру, чем будет похвастати?
Кого послать, братцы, из вас повыехать
Во дальние во земли в Сорочинские
К королю-то Бутеяну Бутеянову:
Отнести-то надоть дани-выходы
За старые годы и за нынешни,
И за все времена за досюлешны,
Исполна государю за двенадцать лет,
Двенадцать лебедей и двенадцать креченей,
И отвезти още грамоту повинную?
Все богатыри за столиком утихнули,
Приутихнули да приумолкнули,
Приумолкнули все, затулялися,
Большая тулица за среднюю,
А средняя тулица за меньшую,
А от меньшей тулицы ответов нет.
Из-за этих за столичков дубовых,
Из-за этих скамеечек окольниих

Вышел старый Пермил сын Иванович,
Понизешенько он князю поклоняется:
«Владимир, князь стольно-киевский!
Бласлови мне-ка, государин, словцо вымолвить!
Знаю я, кого послать повыехать
Во этие во земли во дальные,
Во этие во земли Сорочинские
К королю-то Бутеяну Бутеянову
Отнести дани и выходы
За старые годы и за нынешни,
И за все времена за досюлешны,
Исполна государю за двенадцать лет,
И още отвезти грамоту повинную:
Послать молода Васильюшка Казимирова».
Владимир, князь стольно-киевский,
Берет он чару во белы руки,
Наливает он чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Разводил медамы он стоялыма,
Подносил к Васильюшку Казимирову.
Молодой Васильюшка Казимирович
К делу он идет, не ужáхнется:
Он скорешенько вставал-то на резвы ноги,
Принимал эту чарочку в белы руки,
Принимал эту чарочку одной рукой,
Выпивал эту чарочку одним духом,
Понизешенко сам князю поклоняется:
«Владимир, князь стольно-киевский!
Везу я дани-выходы:
Столько дай-ка мне во товарищах
Моего-то братца крестового,
Молода Добрынюшку Микитинца».
Владимир, князь стольно-киевский,
Наливал он чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Разводил медамы он стоялыма,
Подносил к Добрынюшку Никитинцу,
Молодой Добрынюшка Никитинец
К делу он идет, не ужахнется:

Он скорешенько вставал-то на резвы ноги,
Принимал эту чарочку в белы руки,
Принимал эту чарочку одной рукой,
Выпивал эту чарочку одним духом,
Понизешенько сам князю поклоняется:
«Владимир, князь стольно-киевский!
Еду я в товарищах с Васильюшком Казимировым
И везу я дани-выходы:
Столько дай-ка нам още ты во товарищах
Моего-то братца крестового,
Молода Иванушка Дубровица, —
Ему Иванушку коней седлать,
Ему Иванушку расседлывать,
Ему плети подавать и плети принимать».
Владимир, князь стольно-киевский,
Наливает чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Разводил медамы он стоялыма,
Подносил Иванушку Дубровицю.
Молодой Иванушка Дубрович
К делу он идет, не ужахнетя:
Он скорешенько вставал-то на резвы ноги,
Принимал эту чарочку одной рукой,
Выпивал эту чарочку одним духом,
Понизешенько он князю поклоняется:
«Владимир, князь стольно-киевский!
Еду я в товарищах к Васильюшку Казимирову
И к молоду Добрынюшку Микитинцу».
Становились оны на резвы ноги,
И говорил Васильюшка Казимиров:
«Владимир, князь стольно-киевский!
Поди-тко ты на погреба глубокие,
Неси-тко ты дары драгоценные:
Двенадцать лебедей, двенадцать креченей,
И още неси ты грамоту повинную».
Владимир, князь стольно-киевский,
Скорешенько пошел на погреба глубокие,
Принес он дары драгоценные:
Двенадцать лебедей, двенадцать креченей,

И още принес он грамоту повинную.
Брал-то дары Васильюшко под пазушку.
И оны господу богу помолилися,
На все стороны низко поклонилися,
Самому Владимиру в особину,
И выходили из палаты белокаменной
На славный стольно Киев-град;
И они думали думушку с общая:
Надо ийти в свои палаты белокаменны,
Седлать-то коней богатырских
И одевать себе одёжицы дорожные,
Хоть дорожные одёжицы, драгоценные.
Оны сделали сговор промежду собой,
Где съехаться в раздольице чистом поле, —
На тых на дороженьках крестовых
У славного у сыра дуба у Невина,
У того у камня у Латыря.
Пошли они в палаты белокаменны.
Молодой Добрынюшка Микитинец,
Как вшел в свои палаты белокаменны,
Ко своей родителю ко матушке,
К честной вдовы Офимье Александровны,
Говорил-то ей Добрыня таковы слова:
«Свет-ты государыня, родна моя матушка,
Ты честна вдова Офимья Александровна!
Ты несчастного породила Добрынюшку!
Лучше бы ты породила Добрынюшку
Белым камешком горячиим,
Ты бы выстала на Скат-гору высокую,
Ты бы бросила в Киян-море глубокое:
Там лежал бы этот камешек век по веку,
Век по веку без шевелимости.
Нет, так бы породила Добрынюшку
На гору Сорочинскую деревинкою,
Не для красы, не для убожества,
А для ради приезда богатырского:
Ко этому бы ко деревцу
Съезжались русские могучие богатыри,
И стояло бы эта деревиночка век по веку,

Век по веку без шевелимости.
Ощо нет, так бы Добрынюшку спородила
Во славную во матушку Непру-реку,
Во Непру-реку да гоголинкою:
Стояла бы там эта гоголиночка век по веку,
Век по веку без шевелимости».

Говорила честна вдова и заплакала:
«Ай же ты, свет мое чадо милое,
Молодой Добрынюшка Никитинец!
Есть бы знала над тобою невзгодушку,
Тобя возрастом бы Добрынюшка спородила
Во старого казака в Илью Муромца;
А силушкой Добрынюшку спородила
Во славного Самсона во богатыря:
Тобя бы смелостью Добрынюшку спородила
Во смелого богатыря Алешеньку Поповича;
Красотою бы спородила Добрынюшку
Во славного во князя во Владимира».

Стоит Добрынюшка и покланяется:
«Свет ты государыня, родная моя матушка,
Честная вдова Офимья Александровна!
Дай-ка мне прощеньце с благословеньцем
На тые на веки нерушимые».

Сидит она — горько заплакала,
И дала ему прощеньце с благословеньцем
На тые на веки нерушимые.

Пошел Дорынюшка Никитинец,
Одел себе одежицу дорожную,
Хоть дорожную одежицу, драгоценную,
И брал с собой одежицы запасные,
Не малешенько одежицы он брал — на двенадцать лет;
Сшел-то Добрынюшка на широкий двор,
Стал добра коня Добрынюшка заседлывать,
Стал заседлывать да стал улаживать.

Под седельшко черкасское
Полагал потничек он шелковенький,
И полагал-то он седельшко черкасское,
Черкасское седельшко не держаное:
Обсажено тое седельшко есть камешком,

Дорогим камешком самоцветным,
Самоцветным камешком обзолоченным;
Он подпруженки подтягивал шелковеньки,
Стремяночки полагал железа он булатного,
Пряжечки-то полагал красна золота,
Все не для красоты, для угожества,
А для ради крепости богатырския:
Подпруженьки шелковеньки тянутся, так они не рвутся,
Булат-железо гнется-то, не ломится,
Пряжечки красна золота они мокнут, не ржавеют.
Садится тут Добрыня на добра коня,
Хотит ехать Добрыня с широка двора.
Говорит его родитель-матушка,
Честна вдова Офимья Александровна:
«Ай же ты, моя любезная семеюшка,
Молода Настасья дочь Микулична!
Ты чего сидишь во тереме, в златом верху?
Али над собой невзгодушки не ведаешь?
Закатается-то наше красное солнышко
За эти за лесушки за темные
И за тыя за горы за высокие:
Съезжает-то Добрыня с широка двора.
Поди-ка ты скоренько на широкий двор,
Зайди-ка ты к Добрыне с бела личика,
Подойди к нему ко правому ко стремячку булатному,
Говори-ка ты Добрыне не с упадкою:
«Куда, Добрыня, едешь, куда путь держишь,
Скоро ль ждать нам велишь, когда сожидать,
Когда велишь в окошечко посматривать!»»
Молода Настасья Микулична
Скорешенько бежала на широкий двор
В одной тонкой рубашечке без пояса,
В одних тонких чулочиках без чоботов,
Зашла она к Добрынюшке с бела личика,
Подошла к нему ко правому ко стремячку булатному,
И говорила-то ему да не с упадкою:
«Свет ты моя любимая сдержавушка,
Молодой Добрынюшка Микитинец!
Далече ли едешь, куда путь держишь?»

Скоро ль ждаться нам велишь, когда сожидать?
Ты когда велишь в окошечко посматривать?»
Говорит-то ей Добрыня таковы слова:
«Ай же ты, любимая семеюшка,
Молода Настасья Микулична!
Когда ты стала у меня выпрашивать,
Я стану про то тебе высказывать:
Перво шесть годов поры-времени — то жди за меня,
Друго шесть годов поры-времени — пожди за себя:
Исполнится того времени двенадцать лет,
Тогда прибежит мой богатырский конь
На ваш ли на вдовиный двор,
Ты в тую пору-времячко
Сходи-тко в мой зеленый сад,
Посмотри на мое сахарнее на деревцо:
Налетит тогда голубь со голубушкою,
И будут голубь со голубушкою погуркивать:
«Побит-то Добрынюшка в чистом поле,
Поотрублена его буйна головушка
И пораспластаны Добрынины груди белые».
Так в тую пору-времячко
Хоть вдовой живи, а хоть замуж поди,
Не ходи-тко замуж за богатыря,
За смелого Олешеньку Поповича.
За того за бабьего насмешника:
Олешенька Попович мне названный брат».

Только видели молодца на коне сядучись,
А не видели со двора его поедучись.
Со двора-то он поехал не воротамы,
То он с города-то ехал не дорожкой,
Ехал через стены городовые,
Как он повыехал в раздольице чисто поле,
Похотел он испытать добра коня богатырского,
Поотведать его силушки великия:
Брал он плеточку шелкову во праву руку,
Бил-то он плеткою по тучной бедры
Изо всея силушки великия,
Давал ему удары он тяжелые, —
Пошел его добрый конь чистым полем,

Стал он по раздольицу поскакивать,
С горы на гору он перескакивать,
С холмы на холму перемахивать,
Мелкие озера-реченьки промеж ног спущал.
Так не молвия тут по чисту полю промолвила,
Проехал-то Добрыня на добром коне.
Подъехал он к сыру дубу ко Невину,
Ко славному ко камени ко Латырю,
Наехал-то своих братъицев крестовых,
Дружинушку хоробрую.
Оны съехались молодцы, поздоровкались,
Становили добрых коней богатырских,
Сходили молодцы с добрых коней,
Погуляли оны по полю пехотою,
Оны думушку-то думали за общая,
Оны звали себе бога на помочь
И во вторых още пречисту богородицу.
Садились молодцы-то на добрых коней,
Брали оны верный план во ясны очи
И поехали раздольицем чистым полем.

В день едут по красному по солнышку,
В ночь едут по светлому по месяцу.
Времячко-то идет день за день,
День за день, как трава растет,
Год за год, как вода текет,
Прошло-то поры-времячка по три году.
Съехали во орды-то во дальные,
Во этую во землю в Сорочинскую,
Во тые места во неверные.
Приехали к королю Бутеяну на широк двор,
Соскочили молодцы оны с добрых коней.
Молодой Васильюшка Казимиров
Отстенул свое копье мурзамецкое
От правого от стремени булатного,
Спустил копье во матушку сыру землю вострым концом,
Он пристегивал добрых коней и привязывал,
А никого он к коням не приказывал,
Да и не спущал он коней на посылен двор.
Брал он даровья под пазушку,

Сам пошел в палаты белокаменны
Со своей дружинушкой хороброю;
Пришел он в палату белокаменну,
На пятау он двери поразмахивал,
Ступил он своей ножкой правою во эту палату белокаменну,
Ступил он со всея со силы богатырския:
Все столики в палате сворохнулись,
Все околени хрустальны поразсыпались,
Все татаровья друг на друга оглянулись.
Как вошли оны в палату белокаменну,
Оны господу богу помолилися.
Крест-от клали по-писаному,
Вели оны поклоны по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки покланялися,
Самому-то королю в особину
И всем его князьям подколенным.
Полагали оны дани-выходы на золот стол
К королю-то Бутеяну Бутеянову:
Двенадцать лебедей, двенадцать креченей,
И положили още грамоту повинную.
Король Бутеян Бутеянович
Принимает эти дани за двенадцать лет
И принимает грамоту повинную,
И относит на погребя глубокие;
И садит он богатырей с собою за единый стол,
То не ествушкой кормит их сахарнею,
Да и не питьецем поит он их медвяным,
Говорил им король таковы слова:
«Ай же вы, удаленьки дородни добры молодцы,
Богатыри вы святорусские!
Кто из вас горазд играть в шашки-шахматы,
Во славны во велеи во немецкие?»
Говорил ему Васильюшка Казимирович:
«Ай же, король Бутеян Бутеянович!
Я не знал твоей утехы королевския
И не знал твоей ухватки богатырския, —
А у нас все игроки дома оставлены;
Столько мы надеемся на спаса и пресвятую богородицу,
В-третьих, на младого Добрынюшку Микитинца».

Приносили к ним доску шашечну.
Молодой Добрынюшка садился за золот стол,
Стал играть с королем в шашки-шахматы,
Во славны во велеи во немецкие.
Со тоя он великия горячности
На той дощечке на шашечной
Просмотрел ступень шашечный, —
Король обыграл Добрынюшка Микитинца первый раз,
И говорит Добрынюшка Микитинец:
«Ай же, братица мои крестовые, дружинишка хоробрая!
Не бывать-то нам на святой Руси,
Не видать-то нам свету белого:
Проиграл я свои головушки молодецкие
Во славные во шашки во шахматы
И во эти во велеи во немецкие!»
Сыграл Добрынюшка-то другой раз,
Другой-то раз короля пообыграл,
Сыграли они и третий раз,
Третий раз он короля пообыграл.
Это дело королю не слубилося,
Не слубилося это дело, не в любии пришло.
Говорил ему король таковы слова:
«Вы удаленьки дородни добры молодцы,
Богатыри вы святорусские!
Кто из вас горазд стрелять из луку из каленого,
Прострелить бы стрелочка каленая
По тому острею по ножовому,
Чтобы прокатилася стрелочка каленая
На две стороны весом равна
И попала бы в колечико серебряно».
Говорил ему Васильюшка Казимирович:
«Ай же, король Бутеян Бутеянович!
Я не знал твоей утехы королевския
И не знал твоей ухватки богатырския,
А у нас все стрелки дома оставлены;
Столько есть надеюшка на спаса и на пресвяту богородицу,
Во-третьих, на младого Добрынюшка Микитинца».
Говорил король Бутеян Бутеянович:
«Ай же вы, слуги мои верные, богатыри могучие!

Подите-ка на погреба глубокие,
Несите-тко мой тугий лук разрывчатый».
Идут туда три богатыря могучиих
И несут тугий лук разрывчатый,
Подносят к Добрынюшку Микитинцу.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Принимает этот лук одной рукой,
Одной рукой, ручкой правою;
Стал Добрынюшка он стрелочки накладывать,
Стал Добрынюшка тетивочки натягивать,
Стал тугий лук разрывчатый побрякивать,
Шелковые тетивочки полопывать.
Он порозорвал этот лук и весь повыломал,
И королю говорил не с упадкою,
И говорил Добрыня таковы слова:
«Дрянное лученышко пометное:
Не с чего богатырю святорусскому повыстрелить!»
Этот король Бутеян Бутеянович
Послал дружинишку хоробрую на погреба глубокие,
Десять сильных богатырей,
Принести самолучший тугий лук,
Что было с чего богатырю святорусскому повыстрелить.
Идут десять могучиих богатырей на погреба глубокие,
На носилочках несут королевский лук,
Подшли к молоду Добрынюшку Микитинцу.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Принимает этот лук одной рукой,
Одной рукой, ручкой правою;
Стал Добрынюшка он стрелочки накладывать,
Стал Добрынюшка тетивочки натягивать,
Стал королевский тугий лук побрякивать,
Шелковые тетивочки полопывать.
Он порозорвал этот лук и весь повыломал,
И королю говорил не с упадкою,
И говорил Добрыня таковы слова:
«Дрянное лученышко пометное:
Не с чего богатырю святорусскому повыстрелить!
Ай же, мой братец крестовый,
Молодой Иванушка Дубрович!

Поди-тко скоренько на широк двор
К моему коню ко богатырскому,
Подойди ко правому ко стремячку к булатному,
Отстени-ка мой тугий лук разрывчатый
От правого от стремячка булатняго,
Завозное лученышко, дорозное».
Шел Иванушка на широкий двор.
Подошел к доброму коню богатырскому
И ко правому ко стремячку к булатному,
Отстенул он тугий лук разрывчатый,
Положил его под правую под пазушку,
Пошел он во палату белокаменну.
У молода Добрынюшка Микитинца
В тот тугий лук разрывчатый в тупой конец
Введены были гусельшка яровчаты.
Как зыграл Иванушка Дубрович в гусельшка яровчаты,
Вси тут игроки приумолкнули,
Вси скоморохи приослухались:
Эдакой игры на свете не слыхано,
На белоем не видано.
Приносил-то тугий лук разрывчатый,
Подавал Добрынюшке Микитинцу.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Брал свой тугий лук разрывчатый,
И скорешенько становился на резвы ноги,
И становился супротив ножа булатного,
И наложил он стрелочку каленую,
Натянул тетивочку шелковеньку,
И спустил он тетивочку шелковеньку
Во эвтую во стрелочку каленую;
Прокатилась эта стрелочка каленая по острю по ножовому,
На две стороны весом равна,
Пролетела прямо в колечико серебряно.
И сделал он три выстрела,
И не сделал ни великой, ни малой ошибочки:
И во все три выстрела
Пропустил он стрелочку каленую
По тому острю по ножовому в колечико серебряно.
Стал стрелять король Бутеян Бутеянович

В тое колечико серебряно
И по тому острю по ножовому:
Первый раз стрелил, через перестрелил,
Другой раз стрелил, не дострелил,
А третий раз стрелил и попасть не мог.
Королю это дело не слюбилося,
Не слюбилося это дело, не в любви идет.
Говорит король таковы слова:
«Ай же вы, богатыри святорусские!
Кто из вас горазд бороться об одной ручке?
Подите-ка на мой широкий двор
С моима могучима богатырмы поборотися».
Говорил ему Васильюшка Казимирович:
«Ай же, король Бутеян Бутеянович!
Я не знал твоей утехы королевския
И не знал твоей ухватки богатырския,
А у нас все борцы дома оставлены;
Столько есть надеюшка на спаса и пресвятую богородицу,
Во-третьих, на младого Добрынюшка Микитинца».
Молодой Добрынюшка Микитинец
Пошел он на широкий двор
С татарыми поганыма боротися;
А король Бутеян-то Бутеянович,
Да Васильюшка Казимиров с Иванушком Дубровичем
Пошли на балконы королевские
Смотреть на борьбу богатырскую.
Вышел Добрыня на широкий двор,
Посмотрел как на татаровей поганных, —
Стоят татаровья престрашные,
Престрашные татаровья, преужасные:
Во плечах у них так велика сажень,
Межу глазами велика пядень,
На плечах головушки, как пивной котел,
У Добрыни сердечушко ужахнулось,
Стал Добрыня он по двору похаживать,
Стал он ручушек к сердечушку пошибывать,
Говорил Добрыня громким голосом,
Громким голосом он, во всю голову:
«Ай же, братыца мои крестовые, дружинушка хоробрая!

Не бывать-то нам на святой Руси,
Не видать-то нам свету белого:
Побьют-то нас татаровья поганые!»
Пошли к Добрынюшке татаровья,
Стал Добрынюшка татаровой отпихивать,
Стал он татаровой оттолыкивать:
По двое их, по трое стало по двору кататися.
Пошло к Добрынюшке целыма десяткамы,
Добрынюшка видит, — есть дело не малое, —
Схватил он татарина за ноги,
Стал он татаринном помахивать,
Стал он татаровой поколачивать:
Как отворились-то ворота на широк двор,
Пошло оттуда силушки черным-черно,
Черным-черно, как черна ворона.
Воскричал тут Добрыня громким голосом,
Громким голосом кричал он, во всю голову:
«Ай же, братьица мои крестовые!
Поспевайте ко мне, братьица, на выручку!»
Молодой Иванушка Дубрович
Он скорешенько бежал на широкий двор:
Во тоя в великой во горячности
Схватил он в руки железну ось,
Стал он железной осью помахивати
И стал он татаровой поколачивать.
Вышли они на темну орду,
Силушки стали бить, как трава косить,
Бились молодцы целы суточки,
И не едаючись оны, не пиваючись.
Прошло-то поры-времячки двадцать четыре часику,
Силушки видь в них не уменьшилось,
Сердце богатырское не утихнуло,
А в орды стало силы мало ставиться.
Говорил король Бутеян Бутеянович:
«Ай же ты, богатырь святорусский,
Молодой Васильюшка Казимирович!
Уйми своих богатырей святорусских.
Оставь мне-ка силы на посемена,
И возьми-ка дани-выходы за двенадцать лет:

Двенадцать лебедей, двенадцать креченей,
И возьми-тко още грамоту повинную.
А буду платить дани князю Владимиру искон до веку».
Молодой Васильюшка Казимирович
Скорешенько он шел на широкий двор,
Садился на коня на богатырского,
Проехал он по этой по темной орды,
Наехал богатыря святорусскаго
Молода Добрынюшка Микитинца,
Налагал он храпы крепкие
На него на плечики могучие,
И говорил Васильюшка Казимирович:
«Остановись-ка, Добрынюшка Микитинец!
Ужб ведь ты позавтракал:
Оставь мне-ка пообедати!»
Молодой Добрынюшка Микитинец
Послушает Васильюшка Казимирова,
Остановил свою силушку могучую,
Покинул татарина в сторону.
Тут Васильюшка Казимирович
Подъехал к Иванушку Дубровичу,
Наложил он храпы крепкие
На него на плечики могучие,
Становил Иванушка Дубровича
И говорил Васильюшка Казимирович:
«Ты, Иванушка, позавтракал:
Оставь-ка мне пообедати,
Укроти свою силушку великую,
Установи свое сердце богатырское,
Оставь поганому силы на посемена!»
Иванушка Дубрович Васильюшка послушает,
Бросил он ось железную в сторону,
И идут оны к королю в палату белокаменну,
И берут оны дани-выходы за двенадцать лет:
Двенадцать лебедей, двенадцать креченей
И взяли грамоту повинную,
Что платить князю-то Владимиру
Дани-выходы отныне и до веку.
Говорил король таковы слова:

«Садитесь-ка со мною за единый стол,
Станем мы есть ествушки сахарние
Испивать мы питьицев медвяных».
Говорил ему Васильюшка Казимирович:
«Ты глупый король Бутеян Бутеянович!
Не учествовал молодцев приедучись,
А не ужаловал ти молодцев поедучись!»
Взяли оны дани под пазушки,
Выходили молодцы на широк двор,
И садились на добрых коней богатырских,
И поехали по славному раздольицу чисту полю.
Оны едут-то на матушку святую Русь,
Брали они верный (план) во ясны очи:
В день едут по красному по солнышку,
В ночь едут по светлomu по месяцу.
Времячко-то идет день за день:
День за день, как трава растет,
Год за год, как вода текет, —
Прошло-то поры-времячка по три году.
И приехали к дорожкам ко крестовым,
Ко славному сыру дубу ко Невину,
Ко славному ко каменю ко Латырю.
Тут молодцы оны разъехались:
Васильюшка Казимиров поехал ко Царю-граду,
Иванушка Дубрович к Иеросалиму,
А Добрынюшка Микитинец к стольну Киеву.
И молодой Добрынюшка Микитинец
С дальния пути со дороженьки
Похотел он раздернуть шатер беленький полбтняный
И леци он спать да проклаждатися.
Он насыпал пшены лишь белояровой
Добру коню богатырскому,
Лег в шатер беленький полотняный,
Лег спать, да не поспел уснуть;
А на тую пору-времячко
На этот сырой дуб прилетит голубь со голубушкой,
И голубь с голубушкой стали оны прогуркивать:
«Молодой Добрынюшка Микитинец!
Спишь ты да проклаждаешься,

Над собой невзгодушки не ведаешь:
Твоя-то молода жена Настасья Микулична
Замуж идет за славного богатыря,
За того Олешеньку Поповича».
Молодой Добрынюшка Микитинец,
Он скорешенько скочил тут на резвы ноги,
От добра коня от богатырского,
Стряхнул тут пшenu белоярову,
Сдернул свой шатер беленький полотняный,
Он скорешенько седлал добра коня,
Садился тут Добрыня на добра коня,
Ехал по чисту полю по раздольицу широкому,
Ехал на добром коне не жалухою,
Не жалел он добра коня богатырского:
Скакал его-то конь богатырский
Во всю-то пору лошадиную.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Приехал он на свой на широкий двор,
Он скорешенько сходил с добра коня,
Он оставил коня по двору похаживать,
Сам он шел в палату белокаменну
В свою во комнату во богатырскую.
Пришел к своей ко родителю-матушке,
Ко честной вдовы Офимье Александровны,
Понизешенько он ей поклоняется:
«Здравствуешь, честна вдова Офимья Александровна!
Я приехал со раздольица чиста поля;
Вчерась мы с Добрынюшкой в чистом поле разъехались:
Добрынюшка поехал ко Царю-граду,
Меня послал ко стольну Киеву;
Поклон послал Добрынюшка Микитинец,
Велел к тебе заехать на широкий двор,
Сходить тебе велел на погреба глубокие,
Подать велел лапотики шелковые,
Подать велел платьице скоморовчато
И подать велел гусельшка яровчаты;
Сходить велел он мне-ка-ва на почестный пир
Ко славному ко князю ко Владимиру,
И ко смелому к Олешеньке Поповичу,

И к молоды Настасьи Микуличной».

Говорила честна вдова, сама заплакала:

«Ай же ты, мужик-деревенщина!

Во глазах ты, мужик, насмехаешься

И во глазах ты, собака, подлыгаешься:

Есть бы была эта славушка на святой Руси,

Что есть-то жив Добрынюшка Микитинец,

Да он ездит по раздольицу чисту полю,

Не дошло бы тебе, мужику, насмехатися

Над моим двором над вдовиным,

Во глазах собаке подлыгаться».

Он опять говорит ей, поклоняется:

«Вчерась мы с Добрынюшкой в чистом поле разъехались:

Добрынюшка поехал ко Царю-граду,

Меня послал ко стольну Киеву;

Поклон послал Добрынюшка Микитинец,

Велел к тебе заехать на широкий двор,

Сходить тебе велел на погреба глубокие,

Подать велел лапотики шелковые,

Подать велел платице скоморовчато

И подать велел гусельшка яровчаты;

Сходить велел мне-ка-ва на почестный пир

Ко славному ко князю ко Владимиру,

И ко смелому к Олешеньке Поповичу,

И к молоды Настасьи Микуличной».

Говорила честна вдова таковые слова:

«Ай же ты, мужик-деревенщина!

Во глазах ты, мужик, насмехаешься

И во глазах ты, собака, подлыгаешься:

Есть бы была эта славушка на святой Руси,

Что есть-то жив Добрынюшка Микитинец,

Да он ездит по раздольицу чисту полю,

Не дошло бы тебе, мужику, насмехатися

Над моим двором над вдовиным,

Во глазах собаке подлыгаться».

Третий раз говорит он, поклоняется:

«Честная вдова Офимья Александровна!

Мы вместе с Добрынюшкой грамоты училися,

Платица носили с одного плеча,

И хлеба мы с Добрынюшкой кушали по-однакому.
Вчерась мы с Добрынюшкой разъехались:
Добрынюшка поехал ко Царю-граду,
Меня послал ко стольну Киеву,
Поклон послал Добрынюшка Микитинец,
Велел к тебе заехать на широкий двор,
Сходить тебе велел на погреба глубокие,
Подать велел лапотики шелковые,
Подать велел платъице скоморовчато,
И подать велел гуселышка яровчаты;
Сходить велел он мне-ка-ва на почестный пир
Ко славному ко князю ко Владимиру,
И ко смелому к Олешеньке Поповичу,
И к молоды Настасьи Микуличной».
Сидит она и пораздумалась:
«Не прознал мужик-деревенщина
Святым духом, сам собой, про лапотики шелковые,
И про платъице скоморовчато, и про гуселышка яровчаты!»
Брала она золоты ключики,
Шла-то на погреба глубокие!
Принесла ему лапотики шелковые,
И платъице скоморовчато, и гуселышка яровчаты,
Как обул Добрынюшка лапотики шелковые,
Как и тут было;
Как надел на себя платъице скоморовчато,
Как и тут было.

Тут пошел Добрынюшка Микитинец
К князю ко Владимиру на почестен пир,
Пошел в палату белокаменну,
Не спрашивал ни придверников, ни приворотников,
И никаких сторожев строгиих могучиих,
И вшел прямо в палату белокаменну на почестен пир,
И сядился близко печку близ кирпичную,
И зыграл он в гуселышка яровчаты:
Выигрывал хорóшенько из Царя-града,
А из Царя-града до Иеросалима,
Из Иеросалима ко той земли Сорочинския.
На пиру игроки все приумолкнули,
Все скоморохи приослухались:

Эдакой игры на свете не слыхано
И на белоем игры не видано.
Князю Владимиру игра весьма слюбилася,
Ставал Владимир князь на резвы ножки,
Наливал-то он чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
И разводил он медамы стоялыма,
Подносил к молодой скоморошины,
Молода скоморошина скорешенько ставал он на резвы ноги,
Брал он эту чарочку в белы руки,
Выпивал он эту чарочку одним духом,
И садился близко печку кирпичную;
И выиграл он в гусельшка яровчаты:
Выигрывал хорошенько из Царя-града,
А из Царя-града до Иеросалима,
А из Иеросалима к той земли Сорочинской.
На пиру игроки все приумолкнули,
Все скоморохи приослухались:
Эдакой игры на свете не слыхано,
На белоем не видано.
Князю Владимиру игра весьма слюбилася,
И говорил он князю Олешеньке Поповичу:
«Олешенька Попович! Ставай-ка на резвы ноги,
Наливай-ка чару зелена вина,
Подноси-тко к молодой скоморошины».
Олешенька Попович ставал на резвы ноги,
Наливал-то он чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Разводил медамы стоялыма,
Подносил к молодой скоморошины.
Молода скоморошина скорешенько ставает на резвы ноги,
Берет эту чарочку одной рукой,
Выпивает эту чарочку одним духом,
И садился он близко печку кирпичную;
И выиграл он в гусельшка яровчаты:
Выигрывал хорошенько из Царя-града,
А из Царя-града до Иеросалима,
Из Иеросалима ко той земле Сорочинской.
На пиру игроки все приумолкнули,

Все скоморохи приослухались:
Эдакой игры на свете не слыхано,
На белоем не видано.
Князю Владимиру игра весьма слюбилася,
И говорил Владимир таковы слова:
«Ай же, Настасьюшка Микулична!
Наливай-ка чару зелена вина
И подноси-тко к молодой скоморошины».
Молода Настасья Микулична
Скорешенько ставала на резвы ножки,
Наливала она чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Разводила медамы стоялыма,
Подносила к молодой скоморошины.
Молода скоморошина скорешенько ставает на резвы ноги,
Берет эту чарочку одной рукой,
Выпивает эту чарочку одним духом, —
На ногах стоит скоморох, не пошатнется,
И говорит скоморох, не мешается.
Видит князь Владимир, что дело есть не малое,
Подходит к молодой скоморошины.
И зовет его он за единый стол:
«Садись-ка с нама ты за единый стол:
Перво тебе местечко подле меня,
А другое местечко подле князя Олешеньки Поповича,
А третье местечко избирай-ка себе по любви».
Говорил молодой скоморошина:
«Владимир, князь стольно-киевский!
Место не по любви мне подле тебя,
И не любо мне место подле князя Олешеньки Поповича,
А любо мне место напротив молодой княгины
Настасьи Микуличной».
Засадился скоморошина за единый стол,
Напротив молодой княгины Настасьи Микуличной,
И говорил он князю Владимиру:
«Владимир, князь стольно-киевский!
Выпил я чарочку от князя от Владимира;
Позволь мне-ка налить чарочку зелена вина
И поднести князю Владимиру?»

Позволил Владимир князь стольно-киевский
Наливал скоморошина чарочку зелена вина
И подносил-то князю Владимиру;
Принимал Владимир чарочку одной рукой,
Выпивал чарочку одним духом.
Говорил молодой скоморошина:
«И выпил я чарочку от князя Олешеньки Поповича,
Позволь мне-ка налить еще чарочку зелена вина
И поднести князю Олешеньке Поповичу».
Позволил ему Владимир князь стольно-киевский.
Наливал скоморошина чарочку зелена вина
И подносил князю Олешеньке Поповичу;
Принимал Олешенька чарочку одной рукой,
Выпивал чарочку одним духом.
Говорил молодой скоморошина:
«Поднес я чарочку князю Владимиру,
И поднес я чарочку князю Олешеньке Поповичу;
А позволь-ка мне налить чарочку зелена вина,
Поднести молодой княгини Настасье Микуличной?»
Позволил ему Владимир князь стольно-киевский.
Наливал скоморошина чарочку зелена вина,
Разводил медамы стоялыма
И подносил Настасье Микуличной;
И в тую чарочку спустил обручный злачен перстень,
Которым перстнем оны обручались
С молодой Настасьею Микуличной.
Настасья Микулична скорешенько ставала на резвы ножки,
Принимала эту чарочку одной рукой
И стала пить эта чарочка зелена вина.
Говорил тут молодой скоморошина:
«Если хошь добра, так пей до дна,
А не хошь добра, так не пей до дна!»
Настасья Микулична, она была женщина не глупая,
Испила эту чарочку до донышка, —
К нея ко устам ко сахарниим
Прикатился ее злачен перстень.
Как возьмет она на правую на ручушку,
Со тыя со чарочки злачен перстень повытряхнет,
И усмотрела свой обручный злачен перстень,

Которым перстнем обручалася
С молодым Добрынюшкой Микитинцем.
Как она тяпнула чарочкой о золот стол,
Оперлася в него плечика могучия,
И скочила-то она через золот стол,
И берет его за ручушки за белые,
За него за перстни за злаченные,
И целовала его во уста сахарние
И называла-то любимую сдержавушкой,
Говорила она речь ему умильную:
«Ай же, свет моя любимая сдержавушка,
Молодой Добрынюшка Микитинец!
У баб волос долог, а ум коротенький:
Я не послушала твоего наказа богатырского,
Сделала я дело не повелено,
Побоялась я князя Владимира,
Стал ко мне Владимир похаживать,
Стал меня замуж за Олешеньку посватывать,
И стал мне-ка Владимир князь пограживать:
«Ежели не пойдешь замуж за Олешеньку Поповича,
Так не столько во городе во Киеве,
Не будет тебе места и за Киевом».
Побоялась я угрозы княженецкия,
Пошла замуж за богатыря Олешеньку Поповича».
Молодой Добрынюшка Микитинец,
Он скорешенько скочил тут на резвы ноги,
Схватил он Олешеньку за желты кудри,
Стукнул Олешу о кирпичен мост:
Стал Олешенька по мосту погалзывать
Говорил Добрыня князю Владимиру:
«Владимир, князь стольно-киевский!
Свою жену-то ...
А чужую жену замуж даешь?
Муж в лес по дрова, а жена замуж пошла!»
Стал Владимир князь Добрыню уговаривать,
Стал Добрынюшка униматися.

Тут молодой Добрынюшка Микитинец
С молодой Настасьюшкой Микуличной
Пошел в свои палаты белокаменны,

Ко своей родителю ко матушке,
Ко честной вдовы Офимье Александровны:
Пришел, матушке поклон принес:
«Прости меня, родитель-матушка,
Что не признался я тебе, приедучись с раздольца чиста поля,
Ушел-то я без толку на почестен пир».
Тут честная вдова Офимья Александровна
Скорешенько ставала на резвы ноги,
Брала его за ручушки за белые,
За него за перстни за злаченные,
И целовала его во уста его во сахарние,
Прижимала его к ретивому сердечушку
И прикладывала ко белому ко личушку.
Молода Настасья дочь Микулична
Скорешенько снимала с него одежицы дорожные
И одевала-то одежицу драгоценную, что налучшую.
Честная вдова Офимья Александровна
Посылала скоро конюхов любимых на широкий двор
Убрать добра коня Добрынина,
Насыпать-то ему пшены белояровой,
Наливать-то ему свежей ключевой воды.
Тут молодой Добрынюшка Микитинец
С тоя с пути со дороженьки
На покой улегся с молодой Настасьей Микуличной.

Честная вдова Офимья Александровна
Завела она хорош почестен пир
Своему сыну любимому,
Молоду Добрынюшке Микитинцу;
Стали править за шесть годов годин да именин,
Стали оны есть ествушку сахарною,
Испивать стали питьицев медвяных,
Стали оны жить да быть, долго здравствовать.

(Записано П. Н. Рыбниковым со слов Рябина Т. Г., Кижии)

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2, т. 1, Москва, 1909.